
Г.В. Глазырина

ВРЕМЯ В ДРЕВНЕИСЛАНДСКИХ САГАХ
(история, повседневность, временные ориентиры)*

В исландских сагах естественным образом сочетаются разнообразные способы хронологизации времени — сезонное время, время родословий, счет «по правлениям», т.е. по срокам пребывания у власти (конунги) или в должности (церковные иерархи), счет на основе соотнесения с каким-либо знаменательным событием (например, с известными битвами, с сожжением Ньяля), отсчет от Рождества Христова и др. Многообразие форм счета времени в письменных памятниках обусловлено отражением в них двух обширных пластов культурного наследия: традиционного, восходящего к древнегерманским корням, и христианского, пришедшего на остров с принятием новой веры в 1000 г.

Проблема соотношения традиционного и христианского элементов в средневековой культуре Исландии всегда занимала заметное место в истории изучения исландских саг¹. Наиболее глубоко это дихотомическое единство было проанализировано в работах шведского саговеда Л. Лённрота, посвятившего ей целую серию исследований². Хотя в своей оценке процесса становления древне-

* Статья написана по проектам: «Трансформация исторической памяти: от устной исторической традиции к письменной» по программе фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и «Историческая традиция в дописьменных и письменных обществах. Компаративное исследование» по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей».

¹ *Paasche F.* Über Rom und das Nachleben der Antike im norwegischen und isländischen Schrifttum des Hochmittelalters // *Symbolae Osloenses*. Oslo, 1934. B. XIII; *Turville-Petre G.* Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953; *Bekker-Nielsen H., Widding O.* *Norrøn Fortællekunst*. Copenhagen, 1965.

² *Lönroth L.* Studier i Olaf Tryggvasons saga // *Samlaren*. 1963. S. 54–94; *Idem.* Det litterära porträttet i latinsk historiografi och isländska sagaskrivning — en komparativ studie // *Acta Philologica Scandinavica*. 1965. T. 27. S. 68–118; *Idem.* Tesen om de två kulturerna — kritiska studier i den isländska sagaskrivningens sociala förutsättningar //

исландской литературы автор, являясь сторонником так называемой «теории книжной прозы» («bookprose theory»³), несомненно, склонен пренебрегать устно-традиционным периодом ее существования и отдавать приоритет влияниям извне, его выводы о необходимости выявления и сопоставительного анализа двух пластов, соединившихся в культурном наследии исландцев, и рассмотрения результатов их синхронного влияния на отдельные категории культуры⁴ не могут быть переоценены. Тезис о двух культурах, одной — исконной, составлявшей основу мировосприятия исландцев, и другой — континентальной, пришедшей на остров с принятием христианства и в значительной мере потеснившей первую, — оказывается существенным и при рассмотрении такой категории как представления о времени.

Исследователи древнеисландской литературы практически единодушны в том, что в памятниках средневековой исландской словесности история трактуется как процесс, интегрирующий прошлое и настоящее⁵. Исландские клирики, которые переводили на родной язык сочинения, пришедшие с континента, и записывали саги и другие произведения, под прошлым понимали, в первую очередь, дохристианский, языческий этап истории своего народа. Они рассматривали его как естественный период развития общества, ста-

Scripta Islandica. 1964. B. 15. S. 1–97; *Idem*. European Sources of Icelandic Saga-Writing. An Essay Based on Previous Studies. Stockholm, 1965.

³ Различия в оценке происхождения исландских саг сторонниками двух концепций — так называемых «теории книжной прозы» и «теории свободной прозы» — основаны на понимании роли устного традиционного материала, лежащего в основе сагового текста. Приверженцы первой теории исходят из приоритета авторского начала при создании произведения: автор отбирает материал из имеющегося фонда, структурирует его и излагает своими словами. В соответствии же со второй позицией, роль автора сводится лишь к фиксации устойчивого сюжета на пергамене и незначительному его редактированию. Как справедливо отметил Гисли Сигурдссон, ученые, позиционирующие себя как сторонники того или иного подхода, тем не менее не ставят под сомнение тот факт, что устная традиция является первоосновой саги (*Gisli Sigurðsson*. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. A Discourse on Method. Harvard, 2004. P. 17–21. См. также: Old Norse-Icelandic Literature. A Critical Guide / C.J. Clover, J. Lindow. Ithaca; L., 1985. P. 239–45, 253–254, 279–286).

⁴ *Lönnroth L.* European Sources.

⁵ *Clunies Ross M.* Prolonged Echoes. Old Norse myths in medieval Northern Society. Odense, 1998. Vol. 2: The Reception of Norse myths in medieval Iceland. P. 82. Категория будущего проявляется, в основном, в прорицаниях и снах. См. новейшую работу на эту тему, содержащую отсылки на литературу: *Гуревич Е.А.* Стихи, услышанные во сне: об одном типе вставок в древнеисландской прозе // Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. М., 2006. С. 86–116.

новления ментальности и верований, сыгравший важную роль в формировании того общественно-культурного наследия, которое, как мы знаем теперь, выделяет Исландию среди других западноевропейских государств и народов. Настоящее, согласно этому подходу, наступает с момента введения в стране христианства. Включение языческого периода в свою концепцию истории позволило исландцам, как и другим народам, воспринимать развитие общества как непрерывное, обеспечив тем самым интеграцию идей и принципов, относящихся к разным по своему происхождению культурам.

В восприятии отдельного человека или группы людей прошлое и настоящее, естественно, не всегда совпадали с широкими историческими периодами. В повседневной жизни людей эти периоды сужались до пределов жизни отдельных поколений. Привычка наблюдать за течением временем была связана с обычной хозяйственной деятельностью и социальной активностью, в которых события характеризовались редкой устойчивостью. Примеры такого «бытового» взгляда на повседневную жизнь сохранились в письменных памятниках, относящихся к традиционным литературным и историческим жанрам. Факты и явления, выходявшие за рамки привычных, становились предметом особого внимания и нередко переходили в разряд событий, о которых долго говорили и сочиняли сказания.

Особенности отражения истории в произведениях разных жанров и специфические средства, используемые в них для обозначения хронологических периодов, существенно разнятся. Наиболее тесную связь с устной традицией проявляют исландские саги, особенно родовые. Написанные индивидуальными авторами (их имена по большей мере нам остались не известными⁶), саги в своей основе сохраняют сказания и сюжеты, большинство из которых имеет длительную историю бытования в устной форме. Как заметил Вестейнн Оуласон, «устная традиция была живой и продуктивной, однако

⁶ Выявление авторства той или иной саги не сводится только к поиску имени автора в самом произведении или упоминаний о нем в других сочинениях. Атрибуция авторства основана на анализе общих принципов композиции сюжета и отдельных эпизодов, устойчивых языковых клише, на выборе лексических оборотов и многих других признаках. Именно комплексная оценка этих признаков позволила, например, Йоунасу Кристианссону предположить, что «Сага об Эгиле» — одна из наиболее популярных в Исландии саг о скальдах — была написана Снорри Стурлусоном, автором «Круга Земного», около 1240 г. (*Jónas Kristiansson. Egilssaga og konungasögur // Sjótíu ritgerðir / Einar Gunnar Pétursson, Jónas Kristjánsson. Reykjavík, 1977. Bls. 449–472*). Правда, эта идея была поддержана не всеми саговедами.

контакт с письменной культурой оказал влияние на некоторые, если не все аспекты традиционного устного знания. Очевидно, что как форма, так и содержание с течением времени подверглись изменениям, а те жанры, которые были наиболее восприимчивы к письменным влияниям, частично утратили свою творческую активность»⁷. Естественно, что отношение ко времени, отразившееся в сагах, хотя и было, безусловно, скорректировано влияниями «ученой» литературы позднейшего времени, но все же в основных чертах передает особенности дохристианского восприятия времени.

Можно полагать, что древнейшей формой счисления времени было соотнесение события с определенным временем года. *Сезонное счисление времени* характеризуется относительностью и лишено точности. Как определить время наступления нового сезона, четко разъяснено в судебнике «Серый Гусь»:

«Первым днем лета должен быть четверг; если отсчитать от него три месяца по тридцать ночей и еще четыре ночи, будет середина лета. От середины лета до зимы три месяца по тридцать ночей. Первым днем зимы должна быть суббота, а от нее до лета шесть месяцев по тридцать ночей; и должно пройти десять недель лета, когда люди должны собраться на альтинг. В календаре день всегда предшествует ночи»⁸.

В этом положении исландского судебного кодекса, как мы видим, приводится жесткое членение года на сезоны, не допускающее разночтений. При этом не столько само время года, как возможность осуществлять в этот период ту или иную хозяйственную деятельность или участвовать в общественной жизни, становится причиной для называния сезона. Зима, во время которой передвижение по острову становилось затруднительным, является тем хронологическим барьером, до наступления или после завершения которого происходит подавляющее число различного рода контактов между жителями, описываемых в сагах, — что и отмечается в текстах.

⁷ *Vésteim Ólason*. Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of Icelanders. Reykjavík, 1998. P. 41.

⁸ «EN fimti dagr vikv scal vera fyrstr i svmrí. þáþan scal telia .iij. manvðr .xxx. náta. oc nætr .iiij. til mið sumars. EN fra miþiv svmrí scal .iij. manvþr .xxx. natta. til vetrar. Lavgar dagr scal fyrstr vera I vetri. en þáþan fra scolo vera .vi. manvðr .xxx. natta. til sumars. eN .x. vikvr scolo vera af sumri er meN koma til alþingis. Dagr scal fyR koma allz misseris tals eN nott». — Grágás. Konungsbók / Udg. Vilhjálmur Finsen. Kjöbenhavn, 1852 (Reprint: Odense, 1974). Bd. I. Bls. 37. О зафиксированных в «Сером Гусе» положениях о счислении времени см.: Глазырина Г.В. Практическое счисление времени в исландском судебнике «Серый Гусь» // Время в координатах истории. Международная научная конференция. Тезисы. М., 2008. С. 92–94.

Для разных видов деятельности времена года имели неодинаковое значение. Поэтому когда речь заходит, например, об организации дальнего морского похода либо плавании в прибрежных водах на дальнее расстояние временем отсчета, как правило, выступают весна и начало навигации либо осень и прекращение передвижений по морю. Слово «лето» довольно редко выступает в функции временного маркера, а летние хозяйственные работы в большинстве своем не описываются. В целом же сезонное счисление времени широко используется в произведениях разных жанров.

Рассказывая об одном и том же периоде времени, автор обычно лишь однажды уточняет временные обстоятельства событий. Время линейно и однонаправлено. Даже если в сюжет вводится новый персонаж, мы можем быть уверены, что речь пойдет о событиях, синхронных тем, о которых только что говорилось, если не указано на другое время⁹.

В сагах весьма редко упоминаются конкретные даты. Время, к которому можно отнести события, описанные в том или ином сюжете, никогда не бывает точным. Оно может быть установлено лишь приблизительно, на основе сопоставления целого комплекса параметров, для обозначения которых удобен предложенный А.Я. Гуревичем термин «временные ориентиры»¹⁰. В древнеисландских памятниках такими ориентирами могут выступать самые различные элементы. При «сезонном» счислении времени это, прежде всего, указания на времена года. Другой вид ориентира — событие, соотнесение с которым помогает установить последователь-

⁹ Например, в «Саге о Ньяле» говорится: «Весной Хрут узнал, что Сотти отплыл на юг, в Данию, и увез с собой все наследство». После этого Хрут связывается с персонажами, заинтересованными в отъятии этого наследства, «и Хрут со своими людьми отплыл на юг» (Сага о Ньяле // Исландские саги / Под ред. О.А. Смирницкой. Вступит. статья М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 1999 (здесь и далее фрагменты из «Саги о Ньяле» приведены в переводе С.Д. Кацнельсона). Т. II. С. 56). Вслед за этим, в новой главе вводится незнакомый персонаж — Атли, сын ярла Арнвида из Восточного Гаутланда, объявленный вне закона как датским, так и шведским конунгом. Он также направляется в Данию, где и происходит морской бой между Хрутом и Атли (Сага о Ньяле. С. 56–57). В сюжете саги до этого момента Атли никак не был связан с исландцем, не участвует он и в других эпизодах. Однако саговые принципы хронометрии не позволяют автору прервать поток времени, вернуться на много лет назад и рассказать историю Атли. Поэтому представление Атли ограничивается его генеалогической характеристикой и краткой биографией, лишенной динамики.

¹⁰ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984. 2-е изд., испр. и доп. С. 109.

ность действий (событий) и датировать их. В приведенную выше статью судебного «Серый Гусь» о временах года включена дата начала альтинга — всеобщего собрания, которое проводилось на регулярной основе в строго определенные дни июня. Альтинг часто выступает в качестве временного показателя в сагах об исландцах. Спрессованность времени в саге не могла смутить современника: даже если чередование времен года в тексте не прослеживается, ссылка на альтинг всегда указывает на то, что дело происходит летом¹¹. Таким образом, *ссылка на событие* является и временной характеристикой происходящего.

Наряду с «сезонным» и «событийным» способами счета времени, которые были известны и другим скандинавским народам и применялись задолго до того времени, как в 870-х гг. была заселена Исландия, в сагах отразился другой принцип соотнесения событий, который характеризует мировоззрение исландцев и заключается в их стремлении и способности рассматривать окружающую действительность в связи с историей семейно-родовых групп — *генеалогическое время*. На эту черту обратил специальное внимание А.Я. Гуревич, который показал, что для саг об исландцах родословия, перечисления предков (*langfæðgatal*), которыми изобилуют дошедшие до нас произведения, также выполняют функцию временных ориентиров¹². Глубина родословий, приведенных в сагах,

¹¹ Приведем пример из «Саги о Ньяле» — одной из наиболее широко известных исландских родовых саг. О событиях, происшедших с весны после начала разлада между Хрутом и его женой Унн, дочерью Мёрда Скрипицы, практически не упоминается, но описание отъезда супругов на альтинг сигнализирует смену времени года и наступление лета (Сага о Ньяле. С. 60–61).

¹² А.Я. Гуревич пишет: «Существенным аспектом времени был счет поколений. Определив принадлежность лица к тому или иному поколению или установив их последовательность, получали вполне удовлетворявшее представление о связи событий, ходе вещей и обоснованности правовых притязаний. Понятие поколения воспроизводило ощущение живой преемственности органических человеческих групп, в которые индивид включался как реальный носитель связей, соединяющих настоящее с прошлым и передававших их в будущее. И это ощущение имело гораздо больший смысл и ценность, нежели простое указание на некоторую точку абстрактной хронологической шкалы. Но счет на поколения отражает локальное восприятие и исчисление времени. Такой отсчет практиковался в генеалогиях, родовых сказаниях, сагах. Посредством перечисления предков выясняли не общую хронологию народа, племени, государства, а преемственные связи в пределах рода, семьи, далеко не всегда устанавливая их соотнесенность с течением времени за пределами круга родства. <...> На каждом хуторе, в поселке, общине время текло, подчиняясь ритму смены поколений и тех немногочисленных и мало разнообразных событий, которые налагали отпечаток на жизнь группы». — Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109.

может варьироваться от упоминания нескольких — до девяти — поколений предков, до именованя только отца или деда. Генеалогии могли состоять из двух частей, сопровождая «историческое», т.е. верифицируемое родословие «легендарной» частью, относящейся к доисландскому или даже мифопоэтическому времени, и также могли быть распространены в различной степени¹³. Именно генеалогии персонажей, сопровождающие сюжетную канву родовых саг, дали возможность исследователям выстроить хронологическую шкалу для этих произведений.

История исландских родов, изложенная в сагах, состоит из эпизодов местного либо семейного значения: свадеб, смертей, конфликтов внутри рода и между родами, предательств, убийств, судебных разбирательств, кровной мести и иных событий — по словам Вестейнна Оуласона, «событий варварских, запутанных и скучных»¹⁴. Став предметом всеобщего интереса жителей Исландии, саги фиксировали имена людей, которые, благодаря многократному повторению их в устных рассказах, становились знаменитыми внутри страны, а иногда и за ее пределами. Прослеживая время жизни этих людей и обстоятельства, связанные с ними, всегда можно было уточнить тот отрезок времени, когда произошло некое событие. Ясное представление современников об очередности поколений и их числе помогало приблизительно определить место каждого конкретного лица в социуме. История каждого исландского рода располагала устными генеалогическими легендами, построенными вокруг имен наиболее известных семей и их глав¹⁵. Имена этих людей были знакомы каждому исландцу и нередко также использовались в качестве временных ориентиров: соотнеся с ними рассказ об отдельном человеке, можно было уточнить время его жизни. Данная система ссылок, отмечает А.Я. Гуревич, применялась в тех случаях, когда речь шла о событиях

¹³ *Литовских Е.В.* Генеалогические представления в средневековом исландском обществе (на материале «Саги о Ньяле»). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 14.

¹⁴ *Vésteinn Ólason.* Dialogues with the Viking Age. P. 95.

¹⁵ Примером такого типа родовых легенд являются пряди, вычленяемые исследователями из более крупных произведений, в частности — из «Книги о занятии земли» («Landnámabók»). См.: Исландские саги / Пер. прозаич. текста с древнеисландского, общ. ред. и коммент. А.В. Циммерлинга; стихи в пер. А.В. Циммерлинга и С.Ю. Агишева / Под ред. С.Ю. Агишева, А.В. Бусыгина, В.В. Рыбакова. М., 2004. С. 132–141 («Пряди о Людях из Широкого Фьорда»), 244 («Пряди о Людях из Северной Четверти»).

локальной истории, т.е. истории Исландии, и отражала «локальное восприятие и исчисление времени»¹⁶.

Когда же рассказ об исландцах переносится за пределы острова, в текстах родовых саг появляются ссылки на время правления конунгов различных Скандинавских стран. Эти временные показатели всегда непосредственно связаны с сюжетом. Например, когда в «Саге о Ньяле» говорится о поездке Хрута из Исландии в Норвегию, именно этот прием используется автором для введения сюжета в иной пространственно-географический контекст и хронологического уточнения:

«В Норвегии правил в то время Харальд Серая Шкура, сын Эйрика Кровавая Секира, внук Харальда Прекрасноволосого. Мать его звали Гуннхильд. Она была дочь Эцура Тотти. Они жили в это время на востоке, в Конунгахелле» (здесь и ниже курсив мой. — Г.Г.)¹⁷.

Через некоторое время в Норвегию отправляется Гуннар. Автор саги поясняет:

*«Гуннар уехал из Исландии вместе с братом Кольскеггом. Они приплыли в Тунсберг и пробыли там всю зиму. В Норвегии в это время сменились правители. Харальд Серая Шкура и Гуннхильд умерли. Страной стал править ярл Хакон, сын Сигурда, внук Хакона, правнук Грьотгарда. Мать Хакона звалась Бергльот. Она была дочерью ярла Торира и Алов Красы Года, дочери Харальда Прекрасноволосого»*¹⁸.

Гуннар и Кольскегг, однако, не захотели посетить этого правителя и уехали в викингский поход в Восточную Прибалтику, а затем отправились в Данию.

*«Гуннар отплыл, увозя с собой большое богатство. У него было теперь десять кораблей. Он поплыл в Данию, в Хейдабёр. Данией правил тогда конунг Харальд, сын Горма. Ему сказали, что Гуннару нет равных во всей Исландии. Конунг послал к нему своих людей и пригласил к себе. Гуннар не замедлил приехать к нему. Конунг принял его хорошо и посадил рядом с собой. Там Гуннар оставался полмесяца»*¹⁹.

Примеры такого рода в сагах об исландцах можно найти в изобилии. Временные маркеры, построенные с использованием имен правителей Скандинавских стран, на самом деле выполняют в сюжете сложную функцию и не являются исключительно временными по-

¹⁶ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109.

¹⁷ Сага о Ньяле. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 94–95.

¹⁹ Там же. С. 99.

казателями. Названные же в формульных конструкциях персонажи становятся в саге действующими лицами (либо не становятся, как в случае с узурпировавшим власть в Норвегии ярлом Хаконом), и потому, как принято в сагах, их введение в сюжет сопровождается генеалогической характеристикой.

В сагах об исландцах естественным образом соединяются сразу несколько принципов счисления времени, в результате чего момент, о котором идет речь, становится хронологически достаточно определенным. Это хорошо демонстрирует, например, фрагмент из «Саги о Гисли»:

«Вслед за тем Торгрим поехал домой, и эта поездка принесла ему славу. Зиму он проводит у себя на хуторе. А весной зятя, Торгрим и Торкель, снаряжают корабль, принадлежавший норвежцам. Норвежцы эти прослыли большими смутьянами у себя в Норвегии, и им нельзя было там оставаться. Вот снаряжают зятя корабль и выходят в море. В то же лето выходят в море из Ракушечной Бухты во Фьорде Стейнгрима и Вестейн с Гисли. Пока те и другие в плаванье, Энунд из Средней Долины хозяйствует на хуторе у Торкеля и Гисли, а Сака-Стейн вместе с Тордис — в Морском Жилье. *Во время всех этих событий в Норвегии правил Харальд Серая Шкура.* Торгрим и Торкель приводят корабль на север Норвегии и тотчас едут встретиться с конунгом, и, представ перед ним, его приветствуют. Конунг хорошо их принял. Они стали его людьми. Им досталось немало добра и немало почестей. Гисли и Вестейн плавали больше ста дней и раз, в начале зимы, у берегов Хёрдаланда попали ночью в сильную метель и бурю, и корабль их разбился в щепки, но добро свое и людей они уберегли»²⁰.

Как видно из текста, здесь одновременно использовано несколько систем счисления времени: «сезонное» время, указание на **период правления** конкретного норвежского конунга, а также такой способ хронологизации, как **перечисление последовательности событий**, который позволяет установить соотношение действий между собой.

Королевские саги, подобно родовым сагам, содержат пространные свидетельства о сложных и разветвленных связях основных персонажей. Повествование в них также однонаправлено — от древности к современности (в широкой перспективе), от начала какого-либо действия или события до его состояния в сюжете произведения (в узкой перспективе). Поскольку королевские саги находятся на стыке с историографией, они используют также свойственную ей методи-

²⁰ Сага о Гисли // Исландские саги / Под. ред. О.А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. I. С. 512. (Перевод О.А. Смирницкой.)

ку. Основная хронологическая шкала строится «по правлениям», т.е. в соответствии с последовательностью правления отдельных конунгов. Для относительной датировки используются имена персонажей «большой истории», в частности норвежских конунгов. «В иных случаях, — пишет Гуревич, — ссылки на королей имеют целью выявить влияние исторических событий на судьбы персонажей саги (например, объединение Норвегии Харальдом и эмиграция из нее предков героев саги; христианизация и конфликтная ситуация, в которую она поставила те или иные семьи)»²¹. По сути, династическая сетка в королевских сагах выполняет ту же роль, что генеалогия в сагах об исландцах. Это — элемент исторического сознания, относящийся к традиционным представлениям о течении времени и смене исторических поколений. Однако рассказы о конунгах и их ближайшем окружении не исчерпывают всего содержания исландских королевских саг, в которых много дополнительных сюжетных ходов и эпизодов, посвященных не столь важным персонам (например, второстепенные персонажи, «массовка», титульные персонажи отдельных прядей и т.п.). Для этой категории персонажей, как правило, приводятся краткие генеалогические данные, и таким образом, они оказываются «заземлены» и хронологически определены не столько рамками династических связей, сколько собственными родственными контактами.

Говоря о специфике трактовки времени в сагах о древних временах, С. Митчелл указывает на их уникальность. Время в сагах этого вида, полагает он, часто сходно со временем в волшебных сказках. Временные рамки не обозначаются вообще либо отмечается, что события происходят задолго до заселения Исландии. В любом случае, здесь отсутствуют фразы того типа, который характерен для королевских и отчасти родовых саг, как, например: «Это случилось во времена конунга Харальда Прекрасноволосого» («Þat var á dögum Haralds konungs ins hárfagra») ²². В отдельных случаях, полагает Митчелл, время предстает в гиперболлизированном виде и тогда оно, согласно замыслу средневекового автора, несет определенную художественную нагрузку ²³.

²¹ Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109–110.

²² Mitchell S. Heroic Sagas and Ballads. Ithaca; L., 1991. P. 28.

²³ Например, в «Саге об Оdde Стреле» («Örvar-Odds saga») главный герой проживает триста лет. Наделяя своего персонажа таким невероятно длинным жизненным сроком, считает Митчелл, автор не только стремится показать всю необычность Одда, но использует это его качество, чтобы заставить Одда «получать одни и те же уроки снова и снова». См.: Mitchell S. Heroic Sagas. P. 54.

Такое необычное представление о «времени без времени» Митчелл считает чертой, подтверждающей фольклорное происхождение саг о древних временах.

Можно сказать, что время саг об исландцах — время локальной истории, время саг о норвежских конунгах — время внешней по отношению к Исландии, широкой истории, а время саг о древних временах — доисторическое либо вневременное²⁴. Саги, таким образом, комплементарны в своей трактовке исторического времени: один вид саг дополняет другой, и только рассмотренные в своей совокупности, они могут дать представление о том, как средневековые исландцы мыслили себе исторический процесс, сменяющие друг друга эпохи, какими специфическими чертами они их наделяли. В этой особенности комплекса памятников «дробить» время на периоды можно увидеть признаки существования единого нарративного фонда, в котором каждому эпизоду истории, будь он связан с малой, локальной историей жителей исландского хутора или большой историей правителей Скандинавских стран, отведено свое специфическое место.

Принципы счисления времени, характерные для традиционного общества и отразившиеся в устной традиции, послужившей основой сюжетов исландских саг, были хорошо знакомы и привычны исландским клирикам, которые уже, очевидно, с конца XI в. были вовлечены в работу по созданию рукописей, в которых разнообразные знания, актуальные для исландского общества, закреплялись на пергамене. Сама по себе письменная традиция является весьма показательной с точки зрения хранения информации: хорошо известные и получившие широкое распространение сюжеты и знания переносятся на пергамен значительно позднее, чем новые, недавно проникшие в данную культуру или возникающие под их влиянием. Последовательность фиксации в письменности произведений древнеисландской литературы (в широком смысле слова) в настоящее время представляется достаточно понятной. Состав древнейших исландских рукописей (наиболее ранние из дошедших до нас датируются второй полови-

²⁴ Мы говорим здесь лишь о трех основных видах исландских саг. Другие виды саг (например, «Сага о Стурлунгах», саги о святых или саги о епископах) и жанры древнеисландской литературы (такие как эддическая поэзия) характеризуются иными представлениями о времени, отличными от тех, о которых мы говорили. Их сюжеты обладают своей спецификой и воплощают определенный тип времени — например, в «Старшей Эдде» — это время мифопоэтическое.

ной XII — началом XIII в.²⁵) свидетельствует о том, что ученые клирики, осуществлявшие записи текстов, четко разделяли произведения, составлявшие обширный фонд устной словесности, по принципу актуальности содержащейся в них информации. Некоторые тексты (например, библейские парафразы, сочинения Отцов Церкви, жития святых, литургические произведения, христианские дидактические произведения и др.) воспринимались как приоритетные для записи в тот период времени, и именно потому они оказались в числе наиболее ранних зафиксированных памятников. Одной из причин, настоятельно требовавшей немедленной фиксации памятника, была, очевидно, новизна и востребованность его содержания: только что пришедшие на остров актуальные знания и иные, чем традиционные исландские, сферы культуры, новые, а потому еще не привычные слушательской и (реже) читательской аудитории, фиксируются в письменности в первую очередь. Новизна произведения в это время была неразрывно связана с актуальностью тематики²⁶.

Автор «Первого грамматического трактата» (ок. 1150 г.), рассуждая во введении к своему труду об адаптации латинского алфавита к особенностям исландского языка, говорит о необходимости разработки и введения в Исландии общих правил орфографии, «чтобы было легче писать и читать»; он называет группу известных ему текстов — «законы, генеалогии, священные книги, а также те исторические знания, которые Ари Торгильссон сохранил в своих

²⁵ Целый ряд древнеисландских рукописей, в том числе одна из наиболее древних — AM 237 a fol. (середина XII в.; см.: *Ordbog over det norrøne prosasprog. Registre*. København, 1989. S. 436), состоящая из двух листов, оцифрован и доступен на сайте <www.am.hi.is>.

²⁶ Это наблюдение, вероятно, может быть распространено и на принципы записи произведений в пределах одного вида или жанра. Аналогия наблюдается и в записи христианских скальдических стихов того же времени. Как отмечает И.Г. Матюшина, «большая часть христианских драп XII в. получила письменную фиксацию в рукописях непосредственно вслед за тем, как была сочинена, таким образом их тексты подверглись значительно меньшим искажениям, чем древняя дохристианская (и ранняя христианская) поэзия, бытовавшая в устной традиции и передававшаяся скальдами из поколения в поколение. Сходные процессы можно наблюдать во многих культурных традициях (например, современных африканских племен), постепенно переходящих от фольклора к литературе: прежде всего переносятся на пергамен сочинения на дидактические темы, и только после этого в письменности находит отражение исконное устное творчество» (*Матюшина И.Г. Католические драпы скальдов // Скандинавские языки: Синхрония и диахрония*. М., 1999. С. 16).

книгах»²⁷, которые, очевидно, уже до него были записаны по разным, не унифицированным правилам.

Ранние исландские рукописи сохранили, в основном, те произведения, которые были упомянуты грамматиком: переводы с латинского языка житий апостолов и Девы Марии и рассказов о чудесах христианских святых, сборники проповедей, фрагмент исландского судебного «Серый Гусь» («Grágás»), содержащий календарь основных церковных праздников, но также и переложённые на древнеисландский язык популярные латиноязычные сочинения, такие как «Элусидарий» Гонория Августодунского и «Физиолог»²⁸, ставшие неотъемлемым элементом континентальной энциклопедической и назидательной литературы. В это же время создаются и записываются первые саги о святых: в 70-х гг. XII в. на исландском языке — «Сага о св. Сесилии», около 1200 г. — «Сага о Пласидусе» — св. Евстахии; на латыни пишутся *vitae* конунга Олава Трюгвасона, новых исландских святых — епископов Торлака Торхальссона (канонизирован в 1198 г.) и Йона Эгмундарсона (канонизирован в 1200 г.)²⁹. Сохранились фрагменты рукописи (AM 655 VII 4to, ок. 1200), содержавшей «Всемирную сагу» («Veraldar saga») — историю от Сотворения мира до времени императора Фридриха Барбароссы, написанную, как полагают исследователи, с учетом сочинений Беды Достопочтенного и Исидора Севильского³⁰.

Перевод книг Священного Писания и сочинений Отцов Церкви будет осуществлен значительно позже. Так, «Сага об иудеях» будет переведена с латыни Брандом Йонссоном, будущим исландским епископом, около 1262/1263 г.³¹, «Stjórn» — переложение книг Ветхого Завета — создается только на рубеже XIII–XIV вв., отрывки из «Диалогов» Григория Великого появляются на древнеисландском языке ок. 1300 г. и т.д. Однако благодаря расширению повседневной церковной деятельности (через проповеди и путем непосредственного знакомства с переводными сочинениями, а также вследствие

²⁷ First Grammatical Treatise. The Earliest Germanic Phonology / An edition, translation and commentary by Einar Haugen. Longman, 1972 (2nd ed.). P. 13.

²⁸ Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953; *Clunies Ross M.* Prolonged echoes. P. 45.

²⁹ Cormack M. Christian Biography // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture / Ed. R. McTurk. Oxford, 2005. P. 29–30.

³⁰ Wirth S. Historiography and Pseudo-History // A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture. P. 168–169.

³¹ Wolf K. Gyðinga saga // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia / Ed. Ph. Pulsiano. N.Y.; L., 1993. P. 253–254.

необходимости соблюдать церковный календарь³²), приобщение исландцев к всемирной истории и вселенской практической хронологии привело к тому, что уже в XII в., как свидетельствуют сохранившиеся письменные памятники, главным образом, исторические и церковные сочинения, принцип летосчисления *от Рождества Христова* (*Anno Domini*) получает широкое распространение и становится основным в Исландии. Одним из результатов этого стало осознание исландцами новых перспектив своей истории, которая вышла за рамки ограниченного исторического периода существования их государства, начавшегося с заселения острова Исландия в 870-х гг. н.э., и через посредство христианства оказалась сопричастной историческим событиям других стран.

Считается, что счет от Рождества Христова, введенный в обращение церковным писателем и хронологом Дионисием Малым (? — между 540 и 556 г.) и примененный в Риме в 525 г., первым в Исландии использовал историограф Ари Торгильссон (Ари Мудрый, 1068–1148) в «Книге об исландцах» («Íslendingabók»)³³, написанной около 1122–1132 гг.³⁴ С точки зрения летосчисления, однако, труд Ари Мудрого представляет явление уникальное, поскольку в нем обнаруживается не одна, а несколько различных систем счета времени. К ним относятся: 1) численное обозначение конкретного года от Рождества Христова; 2) соответствие тому или иному году правления исландских епископов; 3) соотнесение

³² А.Я. Гуревич отмечает: «Переход от язычества к христианству сопровождался существенной перестройкой всей структуры временных представлений в средневековой Европе. Но архаическое отношение ко времени не исчезло — оно было лишь отнесено на задний план, как бы в «нижний» пласт народного сознания. Языческий календарь, отражавший природные ритмы, был приноровлен к нуждам христианской литургии. Церковные праздники, отмечавшие поворотные моменты годичного цикла, восходили еще к языческим временам. Аграрное время было вместе с тем и временем литургическим. Год расчленился праздниками, знаменовавшими события из жизни Христа, днями святых. Год начинался в разных странах не в одно время: с рождества, со страстной недели, с благовещения. Соответственно и отсчет времени велся по числу недель до рождества и после и т.д. Долго богословы противились тому, чтобы считать новый год от 1 января, так как это был языческий праздник; но 1 января — также и день обрезания Христа» (Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 114).

³³ Cormack M. Christian Biography. P. 36.

³⁴ Возможно, однако, что счет от Рождества Христова мог быть использован в исторических сочинениях, написанных предшественником Ари Сэмундом Сигфуссоном (Сэмундом Мудрым, 1056–1133), ныне утраченных, о которых известно лишь по упоминаниям в позднейших источниках.

(при помощи временных промежутков) различных событий между собой³⁵; 4) соответствие времени пребывания на должности того или иного законоговорителя³⁶; 5) генеалогический счет — по поколениям.

Два первых способа, т.е. отсчет от Рождества Христова и от начала правления епископов, могли войти в исландскую хронологическую культуру лишь с введением в стране христианства. В начале XIII в. параллельно с системой летосчисления от Рождества Христова по Дионисию в Исландии получила ограниченное распространение и хронологическая система счета по Герланду (? — ок. 1100 г.) — *computatio Gerlandi*, в соответствии с которой датировка событий различалась на семь лет с повсеместно использовавшейся в средние века системой счисления по Дионисию. Правда, счет по Герланду широкого распространения и продолжительного бытования здесь не получил. Известно лишь несколько произведений, датировки в которых приведены на его основе: «Сага о Торлаке» («Þorláks saga»), «Пробуждающая голод» («Hungrvaða»), «Сага о Пале» («Páls saga»), «Сага о священнике Гудмунде Арасоне» («Prestssaga Guðmundar Arasonar»), одна из редакций «Саги о св. Йоне» («Jóns saga»), восходящая, очевидно, к латинскому оригиналу, написанному монахом Гуннлаугом Лейвссоном³⁷. Существуют различные точки зрения относительно распространенности ведения календаря по Герланду. По мнению Д. Хофманна, оно было характерно лишь для авторов, работавших в монастыре Тингэйрар на севере Исландии³⁸. Т.Н. Джаксон полагает, однако, что использование счета по Герланду было распространено не только в диоцезе Холар, куда относился монастырь Тингэйрар, но также и в епископстве Скальхольт на юго-западе страны³⁹. Счет от Рождества Христова считался, по-видимому, нормальным летосчислением, в то время как счет по Герланду — отходящим

³⁵ Джаксон Т.Н. *AT ALPÝÐU TALI*: Об использовании христианского летосчисления в исландско-норвежском историописании XII–XIII веков // ВЕДС. М., 2004. XVI: Время источника и время в источнике. С. 58–59.

³⁶ *Gísli Sigurðsson*. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. P. 59.

³⁷ *Cormack M.* Christian Biography. P. 32, 36. Согласно Т.Н. Джаксон, в исландских источниках встречается десять датировок по Герланду (Джаксон Т.Н. *AT ALPÝÐU TALI*. С. 58).

³⁸ *Hofmann D.* Die *Yngvars saga víðförla* und Oddr munkr inn fróði // *Speculum Norroenvm. Norse Studies in memory of Gabriel Turville-Petre* / Ed. U. Dronke, Guðrún P. Helgadóttir, G. W. Weber, H. Bekker-Nielsen. Odense, 1981. S. 198–199.

³⁹ Джаксон Т.Н. *AT ALPÝÐU TALI*. С. 58

от нормы. Отсюда в «Книге об исландцах» Ари Мудрого⁴⁰, а также в других источниках⁴¹ появилось уточнение *at alþýðutali* («по всеобщему летосчислению»; вариант: *at allmannatali*), которое не только давало читателю представление о том, какая хронологическая система принята в данном тексте, но и показывала степень интегрированности истории исландского общества в историю других христианских стран.

Другие способы хронологизации, использованные Ари, — традиционны. Так, третий принцип счисления времени, примененный им, который заключается в соотнесении событий между собой, можно считать универсальным методом счисления времени, который известен в традициях многих народов мира, и именно этот принцип, как мы видели выше, является основным в счислении времени в фольклоре. У Ари Мудрого, в частности, использована система счета по периодам пребывания в должности исландских законоговорителей, что отметил А.Я. Гуревич⁴² и на чем специально остановился Гисли Сигурдссон. Институт законоговорителей представляет собой специфический исландский феномен. Это была единственная выборная должность в стране, утверждавшаяся на три года, которую занимали образованные люди, пользовавшиеся особым почетом в обществе. В «Книге об исландцах» Ари Торгильссон вводит информацию о людях, выбранных на эту должность, начиная с третьей главы своего труда, посвященной учреждению альтинга⁴³. Для исландцев ссылка на период пребывания в должности определенного законоговорителя, полагает Гисли Сигурдссон, была сходна со счислением по периодам правления конунгов в других Скандинавских странах и — шире — в европейских государствах. «Неясно, однако, — пишет Гисли Сигурдссон, — насколько сильное влияние эта хронология Ари оказала на современников; имеется мало примеров того, что и другие авторы восприняли систему счисления по официальным годам пребывания в должности законоговорителей»⁴⁴.

⁴⁰ *Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders (Íslendingabók) / Ed. and tr. with introductory essay and notes by Halldór Hermannsson. N.Y.; L., 1930. Bls. 54 (Islandica XX). P. 57.*

⁴¹ Например, в одной из рукописей «Саги об Ингваре Путешественнике». См.: Глазырина Г.В. Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий. М., 2002. С. 361–362.

⁴² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 113.

⁴³ *Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders (Íslendingabók). P. 49, etc.*

⁴⁴ *Gísli Sigurðsson. Túlkun Íslendingasagna í ljósi munnlegrar hefðar. Tilgáta um aðferð. Reykjavík, 2002. Bls. 63; Gísli Sigurðsson. The Medieval Icelandic Saga and Oral Tradition. P. 59.*

Действительно, подобные отсылки не характерны для саг, однако не будем забывать о том, что упоминания альтинга в сагах как важнейшего общественного события года нередко служит датирующим моментом. Нельзя отрицать прямой связи между данным временным ориентиром и попыткой Ари Мудрого выстроить более надежную хронологическую шкалу на этой основе.

Наряду с последовательным перечислением Ари Мудрым периодов нахождения во главе исландской церкви епископов Скальхольта и Холара и последовательным поименованием законоговорителей, что является вариантом счисления «по правлениям» (здесь — по времени пребывания в должности), в его труде присутствует и генеалогическая система счисления времени: для большинства лиц, упоминающихся в «Книге об исландцах», Ари приводит краткие генеалогические справки.

Таким образом, Ари Торгильссон, стремясь к максимальной достоверности, комбинирует различные принципы летосчисления — старые, которые уже традиционно использовались в исландской хронологической культуре, и новые, одни из которых он перенимает из западноевропейской литературы, пришедшей в страну с введением христианства, другие же конструирует сам, опираясь на здравый смысл и традицию⁴⁵. Можно сказать, что Ари создал образец для

⁴⁵ Метод работы Ари Торгильссона по совмещению различных датирующих принципов прокомментировал А.Я. Гуревич, который пишет: «Произведение исландского историка Ари Торгильссона — “Книга об исландцах” — наполнено событиями европейской истории, к которым он приурочивает факты ранней истории Исландии. Наряду с христианским отсчетом времени — от рождества Христова — Ари берет за отправной пункт дату убийства английского короля Эдмунда Святого, а также ссылается на понтификаты римских пап, на время правления крестоносного короля Балдуина, королей Норвегии и Швеции, византийских императоров, патриарха иерусалимского. Кроме того, хронологические вехи дают сроки правления исландских епископов и законоговорителей. Однако, желая установить собственную родословную, Ари возводит свой род к Инглингам, династии шведских и норвежских королей, и к ее основателям — языческим богам Ньёрду и Фрейру. “Книга об исландцах” проникнута заботой о хронологической достоверности. Особая глава посвящена реформе исландского календаря. По словам Ари, исландцы, присутствовавшие на альтинге, когда была проведена эта реформа, отнеслись к ней с огромным интересом. И все же при столь живейшем внимании Ари к проблемам хронологии приходится констатировать, что он опирался преимущественно на свою память и на воспоминания предшественников. О Торкеле Геллиссоне, на авторитет которого он ссылается при установлении даты начала заселения Исландии, Ари пишет: “Он помнил далеко назад”». — *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. С. 113. О времени у Ари см. также: *Hermann P. Spatial and Temporal Perspectives in Íslendingabók: Historiography and Social Structures // Viking and Medieval Scandinavia.* 2005. №1. P. 73–89.

позднейших исландских авторов, указав на возможность совмещения в одном тексте традиционных и христианских методов описания действительности. Исландцы воспринимали «большую историю» — историю других, в первую очередь Скандинавских, стран — через историю «локальную», соотнося исторические факты с событиями жизни отдельного человека. Возможно, именно поэтому в тех достаточно редких случаях, когда в сагах делаются попытки указать на точное время, когда произошло какое-либо событие, были распространены ссылки не только на Рождение Христа, что было характерно для летосчисления во всей Европе, но также на время введения христианства в Исландии, т.е. на событие, не только позволившее Исландии встать в один ряд с другими просвещенными странами, но оказавшее существенное воздействие на менталитет исландцев и их отношение к происходящему вокруг них.

Осознание важности культурной ассимиляции с другим миром не делало в глазах исландцев свою национальную историю менее значимой. Видимо, этим можно объяснить факт появления в письменной традиции многочисленных случаев использования *совмещенных датировок* событий. Обычно они представляют собой двойные датировки, одна из которых характеризует связь данного события со всемирной историей, другая — с историей локальной. Принципиальная возможность одновременного использования исторических вех для определения конкретной даты была показана Ари Мудрым, который, например, рассказывая о смерти Олава Трюггвасона, пишет:

«И конунг Олав Трюггвасон погиб в то же лето, как свидетельствует священник Сэмунд. Тогда он сражался против Свейна Харальдссона, конунга данов, и Олава Шведского, сына Эйрика, конунга свеев из Упсалы, и Эрика Хаконарссона, который впоследствии стал ярлом Норвегии. *Это было 130 зим после убийства Эдмунда и 1000 [зим] после рождения Христа по всеобщему летосчислению*»⁴⁶.

Этому принципу, многократно примененному Ари Мудрым в «Книге об исландцах»⁴⁷, следовали авторы саг, комбинируя в своих

⁴⁶ «En Olaftr Tryggvason fell it sama sumar at sögu Sæmundar prests. Þá barðisk hann við Svein Haraldsson Danakonung ok Olaf inn sænska Eiríks son at Uppsölum Svíakonungs, ok Eirík, er síðan var jarl at Norvegi, Hákonarson. Þat var cxxx vetra eptir dráp Eadmundar, en m epter burð Krists at alþýðu tali». — *Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders* (Íslendingabók). Bls. 54. Примеры такого рода у Ари многочисленны. См.: Bls. 50, 54, 55, 57 и др.

⁴⁷ Например, в рассказе о заселении Исландии, с которого начинается «Книга об исландцах» (*Ari Thorgilsson. The Book of the Icelanders*. Bls. 48).

датировках опорные события скандинавской и всемирной истории⁴⁸. Древнеисландские саги позволяют проследить, как событие локальной истории начинает восприниматься и использоваться в качестве временного ориентира. Такой материал, как представляется, дает древнеисландская «Сага о гренландцах», которая, наряду с «Сагой об Эйрике Рыжем», составляет так называемые «Саги о Винланде», повествующие об освоении исландцами Северной Америки в конце X в.

Под 986 г. исландские анналы фиксируют факт, имевший большое значение для судеб многих жителей северного острова: «Эйрик Рыжий заселил Гренландию»⁴⁹. Однако, согласно общему мнению исследователей, эта дата — как и многие другие в анналах — условна, поскольку значительная часть статей исландских анналов написана на основе сообщений саг, выстроенных по хронологическому принципу. Та же информация, включенная в «Сагу о гренландцах», созданную веком раньше⁵⁰, облечена в иную форму, свойственную саговому повествованию, в котором время не имеет точной датировки, а исчисляется относительно какого-либо знаменательного исторического события. В отличие от анналиста, вводящего свое сообщение в погодную статью, автор саги использует другие средства для счисления времени, и он говорит о времени отъезда Эйрика Рыжего в Гренландию, прибегая к описательной конструкции:

«Сведущие люди говорят, что в то лето, когда Эйрик переселился в Гренландию, двадцать пять кораблей отправились туда из Широкого и Городищенского Фьордов, но доплыли только четырнадцать. Некоторые отнесло назад, некоторые погибли в море. *Это было за пятнадцать зим*

⁴⁸ Так, например, аналогичный случай в «Саге об Ингваре Путешественнике». — *Глазырина Г.В.* Сага об Ингваре Путешественнике. С. 30 («А тогда, когда умер Ингвар, прошло от рождения Иисуса Христа mxi и одна зима. Тогда было ему двадцать пять лет, когда он умер. Это было через девять лет после смерти святого конунга Олава Харальдссона»).

⁴⁹ *Íslandske Annaler indtil 1578 / Udg. Ved Gustav Storm. Christiania, 1888. Bls. 104 (Annales regii). В большинстве анналов приводится более краткая формулировка: «Заселение Гренландии» — Bls. 16 (Annales Reseniani), 48 (Annales vetussimi), 178 (Skálholts-Annaler), 249 (Lögmans-annáll), 315 (Gottskalks Annaler). Развернутое сообщение содержится в *Oddveria Annal*, Bls. 463: «Тогда уехал Эйрик Рыжий в Гренландию и заселил Эйриков Фьорд».*

⁵⁰ «Сага о гренландцах» («*Grœnlendinga saga*») была создана, по-видимому, в конце XII в. и основана на устных сказаниях, бытовавших на севере Исландии. Сага сохранилась в рукописи «Книга с Плоского Острова» («*Flateyjarbók*»), написанной около 1387 г. См.: *Wahlgren E.* *Vinland Sagas // Medieval Scandinavia. An Encyclopedia.* P. 704–705.

до того, как христианство стало законом в Исландии. В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана, уехали из Исландии»⁵¹.

Первая фраза «*Это было за ... зим до того, как христианство стало законом в Исландии*» является стандартной конструкцией, которая использовалась в тех случаях, когда речь шла о событиях, происходивших в самой Исландии; она является примером *соотнесения событий между собой для установления их времени*. Во фразе содержится один из наиболее распространенных временных ориентиров — упоминание о годе введения христианства. (В тех же случаях, когда действие переносилось за пределы острова, временным ориентиром, занимавшим первое место в двойных датировках, обычно был счет лет от Рождества Христова.) Принятое в 1000 г. на альтингге решение о том, что все жители страны должны принять христианство, фактически разделило историю страны на два периода. Все события, предшествовавшие этому историческому решению, стали восприниматься как произошедшие в дохристианское, т.е. языческое время. С 1000 года начался отсчет иной истории страны, связанной с ее новым положением как одного из христианских государств. Многочисленность ситуаций, когда в сагах проводится *соотнесение событий со временем введения в Исландии христианства*, позволяет, на наш взгляд, выделить этот способ хронологизации в качестве самостоятельного, вне связи с другими случаями соотнесения с отдельно взятым событием.

Жители острова в тот момент едва ли могли оценить значение этого факта в исторической перспективе: «большая» история воспринималась ими через призму истории «малой» — восприятие истории страны через историю своего рода и своей семьи⁵². Главным в их восприятии было не изменившееся положение страны, а начало нового этапа истории своего рода. Для потомков те родственники, которые жили и умерли во времена, предшествовавшие знаменитому альтинггу, навсегда остались язычниками. Остальные же воспринимались как христиане — с поправкой на то, что и

⁵¹ Сага о гренландцах // Исландские саги. Т. I. С. 454. Перевод М.И. Стеблин-Каменского. («Svá segja fróðir menn, at á því sama sumri, er Eiríkr rauði fór at byggja Grænland, þá fór hálfir þriðri tögur skipa ór Breiðafirði ok Borgarfirði, en fjórtán kómusk út þangat; sum rak aprt, en sum týndusk. Þat var fimmtán vetrum fyrr en kristni var lögtekin á Íslandi. Á því sama sumri fóru útan Friðrekr byskup ok Þorvaldr Koðránsson». — Grœnlendinga saga / Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1935 (Reprint: 1985). B. IV. Bls. 243).

⁵² Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. С. 109.

в тот и в другой период не обходилось без исключений. Таким образом, первый временной ориентир, составляющий в «Саге о гренландцах» двойную датировку времени переселения Эйрика Рыжего в Гренландию, прежде всего, подчеркивал, что речь идет о том времени, когда большинство жителей Исландии были язычниками.

Однако автор «Саги о гренландцах» не считал возможным ограничиться лишь обратным отсчетом от даты принятия в стране христианства. Он ссылается еще на одно событие, которым тот год, когда Эйрик навсегда переселился в Гренландию, запомнился его соотечественникам: «*В то самое лето епископ Фридрек и Торвальд, сын Кодрана, уехали из Исландии*». Эта фраза отсылает читателя к «христианскому» эпизоду в языческий период истории страны, который подробно описан в «Саге о крещении»⁵³ и «Пряди о Торвальде Путешественнике»⁵⁴. Он связан с ранней попыткой проповеди христианства, предпринятой в 981–986 гг. саксонским епископом Фридрекком, содействие которому оказывал исландец Торвальд Кодранссон, сам незадолго до того ставший христианином. В сагах об исландцах этот факт неоднократно использован в качестве самостоятельного временного ориентира. Так, например, со ссылки на него начинается рассказ в одной из глав в «Саге о людях из Озерной Долины»:

«Примерно в это время в страну приехали епископ Фридрек и Торвальд Кодранссон, который был прозван Путешественником»⁵⁵.

События, описанные далее, происходили в то время, когда Фридрек и Торвальд находились в Исландии и пытались объяснить людям суть новой религии. Для автора «Саги о людях из Озерной Долины» важно было показать, что действие в ней началось одновременно с приездом Фридрека и Торвальда и происходило в период их пребывания в Исландии.

⁵³ Kristni saga // Biskupa sögur / Útg. Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson, P. Foote. Reykjavík, 2003. B. I. H. 2. Bls. 3–13.

⁵⁴ Þorvalds þáttur víðförli // Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson. København, 1958. B. I (Editiones Arnarnagæaenæ. Series A. Vol. 1). Bls. 280–300. Новейшее издание «Пряди о Торвальде Путешественнике» в нормализованной орфографии по разным редакциям: Biskupa sögur. Bls. 49–89.

⁵⁵ «Nærri þessum tíma kom út Friðrekr byskup ok Þorvaldr Koðránsón, er kallaðr var inn víðförli». — Vatnsdæla saga // Íslensk fornrit. Reykjavík, 1939 (Reprint: 1958). B. VIII. Bls. 124.

Автор «Саги о Греттире» не просто соотносит события, но включает в свое повествование более пространное описание того, чем запомнилось в Исландии именно это время:

«Все это происходило уже после того, как в Исландию приехал Фридрек епископ и Торвальд, сын Кодрана. Они в то время жили у Слияния Ручьев. Они первыми проповедовали христианство на севере страны. Торкель принял неполное крещение, а с ним и многие другие. Много всего было между епископом и людьми с севера, о чем не рассказывается в этой саге»⁵⁶.

Автор «Пряди о Свади и Арноре Старушечьем Носе», напротив, помнит отъезд этих двух персонажей из страны:

«Спустя некоторое время после отъезда епископа Фридрека и Торвальда Кодранссона в Исландии случился такой великий голод, что многие люди умерли»⁵⁷.

Среди фактов «языческого» периода истории страны, по-видимому, было немало таких, которые помнились и могли бы служить временным ориентиром. Тем не менее, авторы-христиане, записывавшие саги, соотносили время в своих рассказах с тем, что им самим казалось наиболее важным — с попыткой — пусть неудавшейся — крещения жителей Исландии в 80-х гг. X в.

Из двух временных ориентиров, использованных в «Саге о гренландцах», которыми являются ссылка на время введения христианства на альтинге Исландии и упоминание о пребывании в стране епископа Фридрека и Торвальда, второй, скорее всего, принадлежит локальной устной традиции. Только так можно объяснить тот факт, что во всех редакциях исландских анналов, созданных в период с конца XIII по XVI в., попытка христианского просвещения связывается только с именем Фридрека⁵⁸. Имя Торвальда, хорошо известное авторам саг, в них не упоминается. Его не знают также

⁵⁶ Saga о Греттире // Исландские саги. Т. I. С. 591. Перевод О.А. Смирницкой. («Þetta var eptir útkvámu Friðreks byskups ok þeira Þorvalds Koðránssonar; þeir bjuggu þá at Lækjamóti, er þetta var. Þeir boðuðu kristni fyrst fyrir norðan land; lét Þorkell prímsignask ok margir menn með honum. Mart bar til tíðenda um sameign þeira byskups ok Norðlendinga, þat er ekki kemr við þessa sögu». — Grettis saga / Guðni Jónsson // Íslenzk fornrit. Reykjavík, 1936. B. VIII. Bls. 35.)

⁵⁷ «Nökkuru eftir útanför Friðreks byskups ok Þorvalds Koðránssonar gerðist á Íslandi svá mikit hallæri, at fjölöi manns dó af sulti». — Svada þátr ok Arnórs Kerlingarnefs // Íslendinga sögur / Guðni Jónsson. Reykjavík, 1947. B. VIII. Bls. 22.

⁵⁸ О приезде Фридрека в Исландию: *Islandske Annaler*. Bls. 16 (*Annales Reseniani*), 48 (*Annales vetustissimi*), 104 (*Annales regii*), 178 (*Skálholts-Annaler*), 249 (*Lögmanns-annáll*), 315 (*Gottskalks Annaler*), 463 (*Oddveria Annal*); об отъезде из страны: Bls. 104 (*Annales regii*).

ранние редакции «Книги о занятии земли», и оно появляется лишь в XIV в.⁵⁹, как можно полагать, под влиянием устной традиции, бытовавшей на севере страны⁶⁰.

Двойная датировка в рассказе об отъезде Эйрика Рыжего из Исландии, которая приводится в «Саге о гренландцах», отнюдь не была избыточной. Для понимания сюжета саги недостаточно было соотнести рассказ лишь с «официально» значимым фактом истории страны, каким являлось принятие христианства. Простое отнесение повествования в «дохристианское» время могло бы вызвать недоумение слушателей, поскольку в сюжет произведения входит значительное число эпизодов, рассказывающих о том, что многие переселенцы, следовавшие за Эйриком через Атлантику, были христианами. Логика сюжета подсказывает, что они приняли крещение еще до отъезда из страны, возможно, именно благодаря усилиям епископа Фридрека. О важности христианской темы свидетельствует включение в сагу рассказа о «правильных» похоронах погибших от голода исландцев. Об этом же говорят и проходящие рефреном в тексте саги замечания автора, регулярно напоминающего читателю о меняющемся статусе христианской веры в Гренландии:

«Эйрик Рыжий жил на Крутом Склоне. Его очень уважали, и все ему подчинялись. У Эйрика было три сына — Лейв, Торвальд и Торстейн, а дочь его звали Фрейдис. Она была замужем за человеком по имени Торвард, и жили они в Дворах, где теперь живет епископ. Она была властная женщина, а он — тихоня. Она была отдана за него больше ради денег. *В то время в Гренландии все были язычниками.* Бьярни приехал на своем корабле в Пески летом того самого года, когда его отец уехал весной из Исландии...»⁶¹.

В рассказе о смерти Торвальда:

«Торвальд спросил у своих людей, есть ли среди них раненые. Они ответили, что нет.

⁵⁹ Landnámabók I–III. Hauksbók. Sturlubók. Melabók / Udg. av Finnur Jónsson. København, 1900. Bls. 273.

⁶⁰ См.: Глазырина Г.В. О генеалогии исландца Торвальда, странствовавшего на Русь в X веке // ДГ. 2002 г. М., 2004. С. 78–94.

⁶¹ Saga о гренландцах. С. 455. («Þessi váru börn Eiríks: Leifr, Þorvaldr ok Þorsteinn, en Freydís hét dóttir hans; hon var gipt þeim manni, er Þorvarðr hét, ok bjuggu þau í Gørdum, þar sem nú er byskupsstóll. Hon var svarri mikill, en Þorvarðr var lítilmenni; var hon mjök gefin til fjár. *Heiðit var fólk á Grœnlandi í þann tíma. Þat sama sumar kom Bjarni skipi sínu á Eyrar, er faðir hans hafði brott siglt um várit.*» — Grœnlendinga saga. Bls. 245–246.)

— Меня ранило под мышку, — говорит Торвальд. — Стрела пролетела между бортом и моим щитом и попала мне под мышку. Вот эта стрела. Она принесет мне смерть. Советую вам поскорее ехать назад. А меня отнесите на тот мыс, где мне так хотелось поселиться. Возможно, я невольно сказал правду, говоря, что поселись там. Похороните меня там, поставьте крест в головах и в ногах, и пусть это место называется Крестовый Мыс.

Гренландия уже была крещена в это время, но Эйрик Рыжий умер до христианства.

Торвальд умер, и его люди сделали все, как он просил. Затем они поехали назад, и встретили остальных, и рассказали друг другу все, что с ними случилось»⁶².

Иногда указание на статус христианской веры кажется привнесенным позднее, поскольку явно не вписывается в рассказ:

«Торстейн, сын Эйрика, стремился поехать в Виноградную Страну за телом своего брата Торвальда. Он снарядил тот же самый корабль и подобрал себе самых сильных и рослых людей. С ним поехали двадцать пять человек и еще его жена Гудрид. [Они приплыли в Гренландию, подыскали жилье своим людям, но себе с женой Торстейн ничего не нашел.] Так они оставались вдвоем на корабле несколько ночей.

В то время христианство было еще молодым в Гренландии.

Однажды рано утром к их палатке подошли люди, и предводитель этих людей спросил, кто в палатке...»⁶³.

Обратим внимание на то, что замечания автора саги о том, насколько крепко укоренилось христианство в Гренландии, не всегда

⁶² Cara о гренландцах. С. 463. («Þá spurði Þorvaldr menn sína, ef þeir væri nokkut sárir; þeir kváðusk eigi sárir vera. “Ek hefi fengit sár undir hendi,” segir hann, “ok fló ǫr milli skipborðsins ok skjaldarins undir hönd mér, ok er hér ǫrin, en mik mun þetta til bana leiða. Nú ræð ek, at þér búið ferð yðra sem fjótast apr á leið, en þér skuluð færa mik á höfða þann, er mér þótti byggiligast vera; má þat vera, at mér hafi satt á munn komit, at ek muni þar búa á um stund; þar skulu þér mik grafa ok setja krossa at höfði mér ok at fótum, ok kallið þat Krossanes jafnan síðan”. — *Grænland var þá kristnat, en þó andaðisk Eiríkr rauði fyrir kristni.* — Nú andaðisk Þorvaldr, en þeir gerðu allt eptir því, sem hann hafði mælt, ok fóru síðan ok hittu þar fǫrunauta sína, ok sǫgðu hvárir ǫðrum slík tíðendi, sem vissu...»). — *Grœnlendinga saga*. Bls. 256–257.)

⁶³ Cara о гренландцах. С. 463. («Nú fýstisk Þorsteinn Eiríksson at fara til Vínlands eptir líki Þorvalds, bróður síns, ok bjó skip it sama ok valði hann lið at affi ok vexti ok hafði með sér hálfan þriðja tög manna ok Guðríði, konu sína... Nú váru þau eptir at skipi tvau nokkurar nætr. Þá var enn ung kristni á Grænlandi. Þat var einn dag, at menn kómu at tjaldi þeira snimma; sá spurði, er fyrir þeim var, hvat manna væri í tjaldinu». — *Grœnlendinga saga*. Bls. 257–258.)

прямо увязаны с сюжетной линией. Зачастую создается впечатление, что эти фразы — позднейшие вставки в более ранний текст. Однако, даже если эти замечания принадлежат позднему редактору саги и не входили в традиционный текст, передававшийся изустно, они подчеркивают то значение, которое эта тема представляла для современников⁶⁴.

В «Саге о гренландцах» двойные временные ориентиры ограничивают хронологические рамки сюжета и подчеркивают значение присутствующего в изложении христианского мотива. При отсылке только к языческому периоду истории Исландии, автор не имел возможности убедительно рассказать о ранних исландцах-христианах. Выбор второго события и упоминание об отъезде из страны миссионеров облегчили ему эту задачу.

* * *

Традиционная культура Исландии располагала целым рядом способов хронологизации времени. На основании анализа саг можно говорить о том, что в них отразились, по меньшей мере, следующие хронологические принципы:

- 1) сезонное время;
- 2) соотнесение событий между собой как для установления последовательности событий, так и для их точной датировки;
- 3) генеалогическое время;
- 4) счет «по правлениям» — сначала по срокам нахождения у власти конунгов, затем этот же принцип породил варианты счета по пребыванию в должности законоговорителя на альтинге, а с приходом христианства он был распространен на представителей церкви (время пребывания на епископской кафедре).

После 1000 г. хронологическая система Исландии расширилась и пополнилась новыми принципами:

- 5) она восприняла счет от Рождества Христова;
- 6) определился принцип датирования событий «до» и «после» принятия христианства в Исландии.

⁶⁴ Особое место в раскрытии этой темы занимает повествование о судьбе христианки Гудрид, дочери Торбьёрна, которая переселилась в Гренландию вместе со своими родителями, родила там сына — первого европейца, появившегося на свет на этой земле, а потом уехала на родину и по прошествии нескольких лет отправилась в паломничество в Рим. Вернувшись в Исландию, она построила церковь, уединилась и была благочестивой затворницей до конца своих дней. В числе потомков Гудрид были первые исландские епископы. См.: Сага о гренландцах. С. 472.

В результате возникла система совмещения датировок, при которой соплагались события всемирного и локального значения. Использование комплексного подхода к счислению времени в древнеисландских текстах, как мы пытались показать, было обусловлено, в первую очередь, особенностями национального взгляда исландцев на историю. Осознавая важность присоединения их страны к широкому миру христианских стран, исландцы ценили и берегли собственную культурную идентичность и стремились найти на хронологической шкале достойное место для событий своей локальной истории.